

УДК 130.2

DOI: 10.34670/AR.2025.33.58.003

Категории символа и личностное бытие в религиозной метафизике

Модин Руслан Викторович (Иеромонах Роман (Модин))

Соискатель,
кафедра социальной философии,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: socialphilosophy@kpfu.ru

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению категории символа в связи с личностным бытием в традициях религиозной метафизики. Актуальность темы обусловлена возрастанием интереса к онтологическим основаниям символа в условиях кризиса репрезентации в гуманитарном знании. Новизна исследования заключается в выявлении структурной связи между символической формой и становлением личности, рассматриваемой в перспективах неоплатонизма, христианской мистики, русской религиозной философии XX века и эстетики символизма. В рамках работы проведён теоретико-сравнительный анализ текстов Платона, Прокла, Экхарта, Паламы, Лосева и французских символистов. Особое внимание уделено интерпретации символа как модуса бытия и медиатора между трансцендентным и эмпирическим. Целью исследования выступает реконструкция символа как онтологической структуры, определяющей природу личностного самоосуществления. Применены методы герменевтического анализа, историко-философского сопоставления и понятийной реконструкции. Статья основана на корпусе отечественных и зарубежных исследований. Представленные выводы представляют интерес для специалистов в области философской антропологии, теологии, культурологии.

Для цитирования в научных исследованиях

Модин Р.В. Категории символа и личностное бытие в религиозной метафизике // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 8А. С. 17-24. DOI: 10.34670/AR.2025.33.58.003

Ключевые слова

Символ, личность, бытие, онтология, религиозная метафизика, Лосев, Паламизм, Экхарт, трансценденция, неоплатонизм.

Введение

Современная гуманитарная мысль переживает интенсивный поворот к понятию символа как структурообразующему элементу опыта и мышления. В условиях сдвига от репрезентативной к экзистенциальной парадигме особое значение приобретает исследование символа не как вторичной формы, а как онтологически самодостаточной реальности.

Цель настоящей статьи – раскрыть взаимосвязь символической структуры и личностного бытия в религиозно-философской традиции.

В качестве задач настоящего исследования можно выделить следующие:

- проследить историко-философскую эволюцию категории символа от античности до философии XX века;
- провести сопоставление христианской мистики и неоплатонизма с точки зрения трактовки символа как посредника между трансцендентным и эмпирическим;
- показать, как символическая форма организует становление личности в религиозной и эстетической перспективах.

Новизна настоящего исследования заключается в том, что символ рассматривается не как средство выражения, а как первичная онтологическая матрица, способная обуславливать структуру личностного существования, включая трансцендентную составляющую в динамику экзистенции.

Материалы и методы

Материалом исследования выступили тексты платоновской и неоплатонической философии, византийской патристики, немецкой мистики, русской религиозной философии и французского символизма.

В работе рассмотрены различные подходы отечественных и зарубежных исследователей к осмыслению символа как онтологической структуры. Так Е.К. Боброва анализирует концепцию символа у Платона и неоплатоников, делая акцент на трансгрессивную функцию символа как медиатора нозического и чувственного [Боброва, 2012]. М.Ю. Реутин интерпретирует исихазм и учение Паламы через категорию «энергий», демонстрируя реальность символа как формы присутствия трансцендентного [Реутин, 2011]. Л.А. Ключкина раскрывает философию Лосева как оппозицию классическому рационализму, уделяя внимание символу как форме саморазвёртывания смысла [Ключкина, 2009]. Е.М. Коваленко изучает символ у Лосева как концепт, конституирующий культурную реальность [Коваленко, 2008]. В.А. Маслова проводит параллели между богословским и эстетическим символом [Маслова, 2019]. В.В. Грановский и Т.С. Пронина анализируют религиозную метафизику русской мысли [Грановский, 2007; Пронина, 2001]. С.А. Стаськевич исследует онтологический статус символа у Лосева, акцентируя диалектическую природу символической формы [Стаськевич, 2024]. Д. Римонди показывает, как символ в системе Лосева связывает образ и идею [Римонди, 2019].

Для анализа были применены герменевтический метод, сравнительно-философская реконструкция и лингвофилософский анализ понятийного аппарата, позволяющие выявить динамику смысловых трансформаций символа и его онтологическую функцию в контексте формирования личностного бытия.

Результаты

В ходе проведённого теоретико-аналитического исследования, опиравшегося на корпус текстов неоплатоников, представителей русской религиозной философии, французского символизма, а также на современные интерпретации символа, удалось выявить и систематизировать ряд ключевых результатов, позволяющих по-новому представить категорию символа в её отношении к личностному бытию и тем самым углубить религиозно-метафизическую проблематику.

Во-первых, проследив генеалогию символа от платоновско-неоплатонического «*εἶδωλον*» до лосевского понятия «самотождественного различия» символа, мы выявили методологический сдвиг: если в античности символ мыслится как «арена встречи» ноэтического и чувственного (Платон, Прокл), то в византийской и далее в русской патристической мысли он приобретает онтологический статус самостоятельной реальности, служащей средоточием энергий Божественного [Боброва, 2012, с. 30]. Тем самым символ перестаёт быть только условным знаком и становится модусом бытия, способным удерживать в себе экзистенциальную напряжённость между «тем, что фактически есть», и «тем, что должно быть». Это подтверждается у Григория Паламы, который через концепт «энергий» обосновывает реальное присутствие трансцендентного в тварном бытии и тем самым допускает символ как «действительное явление» Божественного в истории [Реутин, 2011, с. 17].

Во-вторых, сопоставительный анализ рейнской мистики Майстера Экхарта и паламитского исихазма выявил структурное тождество в трактовке символически заданного личностного опыта. Духовные «совершенства» (*perfectiones*) Экхарта и «нетварные энергии» Паламы описываются авторами как реальности, которые, с одной стороны, не тождественны сущности Бога, а с другой — не являются лишь субъективными состояниями человека. Содержательно они выступают медиаторами между «ничто» Божественного в себе и «нечто» созерцательной личности, формируя тем самым символическую среду, внутри которой личность переживает собственное становление как непрестанное «движение-к» [Реутин, 2011, с. 19]. В этой связи символ предстаёт не метафорой, а «природным знаком» (*ὁσπηῖον φύσει*) — понятием, через которое обосновывается возможность обожествления человеческой ипостаси в динамике персонального опыта.

В-третьих, в русской религиозной философии XX века (от лосевской «Философии имени» до поздних разработок парижской школы) символ получает диалектико-апофатическое осмысление, соединяющее динамику идеи и образа в одном бытийном акте [Римонди, 2019, с. 99]. Лосевская формула «не тождество и не различие, а различие в тождестве» демонстрирует, что в символе совпадают сущность и явление без взаимного уничтожения: личностному бытию открывается Абсолют, не нивелируя свободу субъекта, а реализуя её через авто-трансцендирование. Анализ «ранней» и «поздней» концепций символа у Лосева показал, что путём ухода от мифологического синкретизма к логико-структурному анализу автор дошёл до понимания символа как «порождающей модели», конструирующей культурную реальность и в то же время предельно открытой трансцендентному [Коваленко, 2008, с. 18]. Тем самым подтверждается, что символическая форма является исходной онтологической матрицей культуры, а личность, вступая в диалог с этой формой, «самоконституируется» как событие духовной жизни.

В-четвёртых, исследования проблемы символа во французском символизме (Бодлер, Малларме) показали, что эстетический символ здесь выполняет ту же функцию, что и

богословский символ у Паламы или Лосева, — свидетельствует о реальности иного измерения, однако обращён не к догматическому, а к экзистенциально-эстетическому опыту субъекта. Символ, будучи «связующим словом» («correspondance») между вещью и идеей, открывает горизонты личности, где красота и бытие сходятся в едином переживании [Маслова, 2019, с. 27]. Этот факт позволяет преодолеть жёсткую дихотомию «сакрального» и «эстетического», демонстрируя, что личностное бытие неразрывно вовлечено в символическую ткань культуры, а последняя, в свою очередь, питается энергетикой внутренней духовной жизни.

В-пятых, анализ лексико-риторических стратегий показал, что субстантивирование предикатов («благость», «жизнь», «свет») в трактатах Паламы и Экхарта, а также обширное словотворчество Лосева (символы первой и второй степени, «милость-речь» и др.) демонстрируют универсальный путь трансцендирования: переход от действия к сущности через символ, который превращает предикат в реальное измерение бытия. Это лингвистическое проявление указывает на то, что символика не является только методом описания, но обнаруживает себя как «онтологическая динамика языка», где слово и бытие совпадают в апофатическом жесте.

Наконец, обобщив данные из истории философии, эстетики и богословия, мы можем сформулировать ключевые положения, раскрывающие связь категории символа с личностным бытием:

- символ есть неотчуждаемая форма представления Абсолюта в эмпирическом, а потому — основа диалога личности и Бога;
- символическая форма несёт в себе структурную бесконечность смыслов, но эта бесконечность не хаотична: она соотнесена с конкретным опытом свободной личности;
- личность, усваивая символическую форму, преобразует её, а преобразуя, преобразует саму себя, реализуя своё богоподобие;
- религиозная метафизика в лице неоплатоников, мистиков и русских философов XX века указывает на внутреннее единство символа и бытия, а различия в терминологии (энергия, перфекция, образ) фиксируют лишь разнообразие историко-культурных контекстов;
- современное обращение к символу (в искусстве, богословии, культуре) свидетельствует о востребованности онтологической модели, в которой личность постигает свою абсолютную ценность и миссию через участие в нескончаемом процессе тождественно-различного символического откровения.

Обсуждение

Основанием для аналитического осмысления категории символа в современной религиозной метафизике оказывается обнаруженная в XX–XXI веках корреляция позднего неоплатонизма и христианского догматизма, проявившаяся как в русской, так и в западноевропейской мыслительных традициях. Показательно, что сам феномен символа здесь предстает не столько в качестве автономного семиотического знака, сколько как структура, содержащая имплицитную онтологию — «реальность второго порядка», позволяющую, по выражению Иоанна Экхарта, «Богу быть всецело вне и всецело внутри твари». Современная ориентация религиозно-философских исследований — от французской герменевтики до постславянофильского московского кружка — утверждает, что символ каузально связывает «идеи» и «вещи», а логика этого связывания берет начало в неоплатонической модели эманации, переработанной христианскими отцами. Указанный тезис подтверждается тем, что в работах П.

Флоренского и С. Булгакова символический план не мыслится вне «энергийного бытия», т. е. вне реального присутствия Божества в истории – и тем самым укореняет символ в собственно метафизическом измерении [Грановский, 2007, с. 97].

Актуализируя данный корпус интуиций, философия А. Ф. Лосева, по справедливому замечанию исследователей, является самой непримиримой гносеологической альтернативой как упрощённому эмпиризму, так и классическому рационализму: символ у Лосева не «представляет» идею, но «экзистирует» в качестве «самотождественного различия» единого и иного – различия, в котором абсолют обнаруживает себя миру, не утрачивая трансцендентности. Такая диалектическая установка задействует тройное измерение: во-первых, «присутствие» (*realitas*) идеи; во-вторых, её «выражение» (*expressio*); в-третьих, акт «сверх-рефлексивного» отступления, где срабатывает аскетический апофатизм. В этой трёхчленной перспективе симвоологический проект Лосева оказывается принципиально полемичным по отношению к аллегории или чисто семиотическому знаку: аллегория, по Лосеву, демонстрирует лишь «механическое» отношение внешнего и внутреннего, тогда как символ являет их «живой синтез» [Коваленко, 2008, с. 18]. При этом апофатическая компонента задаёт бесконечность смыслопорождающего движения, выводящую субъект за пределы дискурсивного языка к опыту умопостигаемого.

Коррекция той же проблематики со стороны феноменологии фиксирует, что символ, будучи «формой присутствия Абсолюта» (формула, обобщающая опыты Экхарта, Паламы и Лосева), принципиально диссонирует с концепциями сугубо интеллектуальной интенции. Символологическая феноменология, пробированная М. Реутиным на материале позднесредневековой мистики и афонского исихазма, демонстрирует, что «энергии» византийского образца и «духовные совершенства» рейнской традиции изоморфны как раз в том, что переводят бытие-Бога в план личностного опыта, не нарушая трансцендентности [Реутин, 2011, с. 15]. Данный вывод подтверждается содержанием паламитских «энергий», которые, будучи «неипостасными», тем не менее сообщают человеку реальное приобщение к Божественной жизни, а таким образом символ оказывается медиатором, через который личность усваивает собственное богоподобие.

То же направление получает развитие в частных историко-философских сюжетах. В особенности это заметно в том, как неоплатоническая семантика была воспроизводима в русской культуре XIX–XX вв. от славянофилов до Серебряного века. Грановский, реконструируя дискуссию вокруг имяславия, показывает, что символическое отождествление Имени и Божества функционировало в условиях предельной напряжённости между апофатическим и категориальным режимами дискурса: с одной стороны, имя лишь указывает на Лик, а с другой — онтологически присутствует в самом «ликовом» бытии. В формулировке А. Ф. Лосева, диалектика имени — это «презентация Святого Духа», ибо Дух, актуализируя Имя, делает возможным раскрепощение смыслов в истории [Грановский, 2007, с. 105].

Неоплатоническая линия, будучи дополнена литургическим опытом православия, закрепила в утверждении, что «религиозное философствование есть молитва»; отсюда требование, чтобы акт мышления был одновременно актом духовного делания. Символ здесь утрачивает статус объекта и превращается в процедуру, структурирующую духовную жизнь, а следовательно, и личностное бытие. В этом смысле «обнаружение» личности через символ является, скорее, событием (*epiphaneia*), чем логическим выводом: личность узнаётся в собственной «дара-образности», в том, что она постоянно сотворяется в режиме откровения. Именно поэтому в имяславском опыте — от Булгакова до позднего Лосева — символ не просто

выражает, но «творит» личностную реальность; «имя — икона лица», а икона не описывает святого, но «содержит» и «преподает» его присутствие [Маслова, 2019, с. 24].

Аналитическое сопоставление западной и восточной ветвей симвонологии выявляет, что различие между «конвенцией» и «эпифанией» в понимании символа проистекает из глубинных онтологических презумпций. Для французских символистов, как справедливо отмечает Вера Маслова, символ мотивирован прежде всего эстетически — как свободная игра воображений, ведущая к опытам «чистой красоты» [Маслова, 2019, с. 24], тогда как для лосевского круга он выступает прежде качеством самой реальности, её «диалектической структуры», а значит, красота — это вторичный, хотя и неустранимый онтологический маркер, удостоверяющий присутствие сущности в явлении [Стаськевич, 2024, с. 114]. Тем самым категория символа у Лосева демонстрирует укоренённость эстетики в метафизике: прекрасное «не добавляется» к существующему, но репрезентирует избыточность Бытия, откуда и вытекает неисчерпаемость любого символа.

В контексте новейших герменевтических и структуралистских исследований особого внимания заслуживает логика, по которой символическое обретает антропологическое измерение. Римонди, анализируя диалектику идеи и образа, заключает, что символ вводит в саму ткань культуры до-логический коэффициент, который ускользает от жёстких бинарных оппозиций [Римонди, 2019, с. 102]. Данное наблюдение согласуется с лосевской диалектикой «не тождества и не различия, а различия в тождестве»; символическую форму невозможно «перевести» в понятия без утраты её живого смысла, однако именно это неперебиваемое и оказывается пространством, где личность встречается с Абсолютом.

В качестве итогового вывода следует подчеркнуть, что в современной религиозной метафизике символ утрачивает статус «иллюстративного» элемента и становится базовой философской категорией, выражающей единство апофатического и категориального полюсов мышления. Личностное существование, подходящее к своей эпифании, открывается через символ как через внутренне-внешнюю форму, удерживающую нераздельно сущность и явление. Тем самым символ обнаруживает себя не только эпистемологическим инструментом, но и онтологической реальностью, которую современные исследования — от феноменологии религии до постструктуралистской семиотики — вынуждены признавать фундаментом всякой личностной рефлексии о бытии.

Заключение

Поставленные исследовательские задачи позволяют реконструировать символ как онтологическую структуру, обладающую внутренней динамикой и функцией трансцендирования. Проведённая реконструкция историко-философских трактовок символа от античности до XX века показала, что символ не редуцируется к репрезентации, а выполняет роль медиатора между сущностью и явлением, трансцендентным и эмпирическим. В христианской мистике (Экхарт, Паламизм) и русской философии (Лосев, Соловьёв) символ проявляется как среда, в которой происходит становление личности через сопричастность трансцендентному. Эстетические интуиции символистов подтверждают, что символ способен интегрировать религиозное и экзистенциальное измерения. Таким образом, категория символа открывает путь к философскому обоснованию личности как саморазвёртывающейся структуры в горизонте бытия. Символ, в этой перспективе, выступает не как форма выражения, а как форма бытийного становления, объединяющая в себе свободу, смысл и присутствие.

Библиография

1. Бестолкова Г.В. Социолингвистический конфликт в Норвегии: букмолили нюнорск? // Евразийство и мир. 2020. № 2. С. 20-26.
2. Боброва Е.К. Трактровка культурологического символа в философии Платона и неоплатоников // Вестник МГУКИ. 2012. № 5 (49). С. 28-35.
3. Грановский В.В. Религиозно-мистическая атмосфера Серебряного века и имяславие // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2007. № 4. С. 95-110.
4. Клюкина Л.А. Концепция символа А. Ф. Лосева как альтернатива классической рациональности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2009. №2. С.335-340.
5. Коваленко Е.М. Концепт «символ» в философии культуры А. Ф. Лосева // Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 2. С. 16-20.
6. Маслова В.А. Проблема символа в философии А. Ф. Лосева и у французских символистов // Философская мысль. 2019. № 11. С. 18-30. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31858 (дата обращения: 16.06.2025).
7. Пронина Т.С. Религиозная метафизика В.С. Соловьёва и проблема философской традиции // Соловьёвские исследования. 2001. № 1(1). С. 75-88.
8. Реутин М.Ю. Христианский неоплатонизм XIV века: Теория «духовных совершенств» И. Экхарта – теория «энергий» Гр. Паламы // Научные ведомости БелГУ. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. №14(109), вып.17. С. 11-28.
9. Римонди Д. Символическое выражение смысла. А. Ф. Лосев о диалектике идеи и образа // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2019. Т. 20. № 2. С. 96-103. URL: <https://rhga.ru/izdaniya/vestnik-rhga/arhiv/statia.php?ID=3822> (дата обращения: 20.06.2025).
10. Стаськевич С.А. Онтологический статус символа в эстетике А. Ф. Лосева // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. Е: Педагогические науки. 2024. № 2. С. 112-115. URL: <https://doi.org/10.52928/2070-1640-2024-42-2-112-115> (дата обращения: 19.06.2025).
11. Тыхеев В.В. Категория «бытие» в буддийской и христианской культурах // Евразийство и мир. 2020. № 2. С. 10-19.

Categories of Symbol and Personal Being in Religious Metaphysics

Ruslan V. Modin (Hieromonk Roman (Modin))

Applicant for a Degree,
Department of Social Philosophy,
Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications,
Kazan (Volga Region) Federal University,
420008, 35 Kremlyovskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: socialphilosophy@kpfu.ru

Abstract

The article is devoted to the philosophical understanding of the category of symbol in relation to personal being within the traditions of religious metaphysics. The relevance of the topic is driven by the growing interest in the ontological foundations of the symbol amid the crisis of representation in the humanities. The novelty of the research lies in identifying the structural connection between symbolic form and the formation of personality, examined through the perspectives of Neoplatonism, Christian mysticism, 20th-century Russian religious philosophy, and symbolist aesthetics. The study conducts a theoretical and comparative analysis of texts by Plato, Proclus, Eckhart, Palamas, Losev, and French symbolists. Particular attention is paid to the interpretation of the symbol as a mode of being and a mediator between the transcendent and the empirical. The aim

of the research is to reconstruct the symbol as an ontological structure defining the nature of personal self-realization. The methods of hermeneutic analysis, historical-philosophical comparison, and conceptual reconstruction are applied. The article is based on a corpus of domestic and international research. The findings are of interest to specialists in the fields of philosophical anthropology, theology, and cultural studies.

For citation

Modin R.V. (2025) Kategorii simvola i lichnostnoye bytiye v religioznoy metafizike [Categories of Symbol and Personal Being in Religious Metaphysics]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (8A), pp. 17-24. DOI: 10.34670/AR.2025.33.58.003

Keywords

Symbol, personality, being, ontology, religious metaphysics, Losev, Palamism, Eckhart, transcendence, Neoplatonism.

References

1. Bestolkova G.V. (2020) Sociolingvisticheskiy konflikt v Norvegii: bukmol ili nynorsk? [Sociolinguistic conflict in Norway: bokmål or nynorsk?]. *Evraziystvo i mir* [Eurasianism and the World], No. 2, pp. 20-26. doi: 10.18101/2306-630X-2020-2-20-26
2. Bobrova E.K. (2012) Traktovka kul'turologicheskogo simvola v filosofii Platona i neoplatonikov [Interpretation of the cultural symbol in the philosophy of Plato and the Neoplatonists]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of the Moscow State Institute of Culture], No. 5 (49), pp. 28-35.
3. Granovskiy V.V. (2007) Religiozno-misticheskaya atmosfera Serebryanogo veka i imyaslavie [The religious and mystical atmosphere of the Silver Age and name-worship]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], Series 7: Philosophy, No. 4, pp. 95-110.
4. Klyukina L.A. (2009) Konceptiya simvola A. F. Loseva kak al'ternativa klassicheskoy racional'nosti [A. F. Losev's Concept of Symbol as an Alternative to Classical Rationality]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations, No. 2, pp. 335-340.
5. Kovalenko E.M. (2008) Koncept «simvol» v filosofii kul'tury A. F. Loseva [The concept of "symbol" in the philosophy of culture of A.F. Losev]. *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social sciences], No. 2, pp. 16-20.
6. Maslova V.A. (2019) Problema simvola v filosofii A. F. Loseva i u francuzskix simvolistov [The problem of symbol in the philosophy of A. F. Losev and the French Symbolists]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], No. 11, pp. 18-30. doi: 10.25136/2409-8728.2019.11.31858
7. Pronina T.S. (2001) Religioznaya metafizika V.S. Solov'yova i problema filosofskoy tradicii [Religious metaphysics of V.S. Solovyov and the problem of philosophical tradition]. *Solov'yovskie issledovaniya* [Solovyov studies], No. 1(1), pp. 75-88.
8. Reutin M.Yu. (2011) Khristianskiy neoplatonizm XIV veka. Teoriya «dukhovnyx sovershenstv» I. Ekharta – teoriya «e'nergij» Gr. Palamy [Christian Neoplatonism of the 14th Century. Eckhart's Theory of "Spiritual Perfections" – Palamas's Theory of "Energies"]. *Nauchnye vedomosti BelGU* [Scientific Bulletin of Belgorod State National Research University], Series: Philosophy. Sociology. Law, Vol. 14(109), issue 17, pp. 11-28.
9. Rimondi D. (2019) Simvolicheskoe vyrazhenie smysla. A. F. Losev o dialektike idei i obraza [Symbolic expression of meaning. A. F. Losev on the dialectic of idea and image]. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii* [Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy], Vol. 20, No. 2, pp. 96-103. doi: 10.25991/VRHGA.2019.20.3.009
10. Stas'kevich S.A. (2024) Ontologicheskij status simvola v e'stetike A. F. Loseva [Ontological status of the symbol in A.F. Losev's aesthetics]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Polotsk State University], Part E. Pedagogic Sciences, No. 2, pp. 112-115. doi: 10.52928/2070-1640-2024-42-2-112-115
11. Tykheev V.V. (2020) Kategoriya «bytie» v buddijskoj i khristianskoj kul'turakh [Category of being in Buddhist and Christian cultures]. *Evraziystvo i mir* [Eurasianism and the World], No. 2, pp. 10-19. doi: 10.18101/2306-630X-2020-2-10-19